

Много интересного может найти для себя в записках бывшего морского министра исследователь в области истории военно-морских сил России. Это описание Балтийского и Черноморского флотов, характеристика лиц, стоявших у руля Морского министерства, изменения в системе управления, строительство первых паровых кораблей.

Особенностью мемуаров является обширная портретная галерея, выполненная с большим мастерством. Многие из представленных в ней лиц играли значительную роль в событиях середины прошлого столетия, поэтому данные им довольно объективные оценки вряд ли пройдут незамеченными исследователями.

Отличительной чертой воспоминаний является их критический характер, так как для оправдания своих поступков Шестаков от критики отдельных лиц, непосредственных противников, переходит к осуждению всей политической системы царской России. Нельзя не отметить также довольно высокий литературный уровень записок, благодаря которому читатель не только видит, но и чувствует эпоху.

Немалый интерес представляют мемуары для исследователей, занимающихся политической историей других стран, например США, Франции, Англии, Австро-Венгрии, Италии, Ближнего Востока, так как И. А. Шестаков подолгу жил и работал в этих странах, всегда внимательно следил за событиями в мире и свои наблюдения и размышления заносил на страницы дневника, а затем мемуаров.

Р. Ш. ГАНЕЛИН

К ИСТОРИИ ТЕКСТА ПЕТИЦИИ 9 ЯНВАРЯ 1905 г.

Петиция, с которой петербургские рабочие шли к Зимнему дворцу в день, вошедший в историю как «Кровавое воскресенье», с большой выразительностью воплотила в себе то указанное В. И. Лениным обстоятельство, что «из зубатовщины, как мелкого повода, выросло широкое, крупное, всероссийское революционное движение».¹ А в истории текста петиции, в нескольких вариантах этого документа, отразились различные стадии с необыкновенной стремительностью развивавшегося необратимого процесса созревания пролетарского революционного сознания, классового и общеполитического, — процесса, который царские власти не сумели разглядеть под причудливой оболочкой гапоновщины.

Специально изучавший петицию А. А. Шилов² установил четыре этапа в истории ее текста. Первым из них он предложил

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 211.

² Шилов А. А. К документальной истории «петиции» 9 января 1905 г. — Красная летопись, 1925, № 2 (13), с. 19—36.

считать три нумерованных римскими цифрами пункта, каждый из которых состоял из параграфов (первый — из пяти, второй — из двух и третий — из шести), предложенных Гапоном в марте 1904 г. на встрече с четырьмя наиболее развитыми и сознательными рабочими, требовавшими от Гапона, чтобы он определил свое лицо, и без этого отказывавшими ему в поддержке, — А. Карелиным, Д. Кузным, И. Васильевым и Н. Варнашевым. Выработанный под влиянием и давлением руководящей группы рабочих, этот перечень требований гласил:

I. Меры против невежества и бесправия русского народа: 1) свобода и неприкосновенность личности, свобода слова, печати, свобода собраний, свобода совести в деле религии; 2) общее и обязательное народное образование на государственной счет; 3) ответственность министров перед народом и гарантия законности управления; 4) равенство перед законом всех без исключения; 5) немедленное возвращение всех пострадавших за убеждения.

II. Меры против нищеты народа: 1) отмена косвенных налогов и замена их прямым, прогрессивным и подоходным налогом; 2) отмена выкупных платежей, дешевый кредит и постепенная передача земель народу.

III. Меры против гнета капитала над трудом: 1) охрана труда законом; 2) свобода потребительно-производительных и профессионально-рабочих союзов; 3) 8-часовой рабочий день и нормировка сверхурочных работ; 4) свобода борьбы труда с капиталом; 5) участие представителей рабочего класса в выработке законопроекта о государственном страховании рабочих; 6) нормальная заработная плата».

Этот текст, написанный, по воспоминаниям Н. Варнашева,³ красными чернилами на листе бумаги, А. А. Шилов определяет как зерно петиции, называя его «программой пяти». Он не вошел, однако, в тот документ, который знаменовал собой следующий, второй, этап ее истории. Документ этот, известный как «резолюция рабочих об их насущных нуждах», был написан оставшимся неизвестным социал-демократом, отвергнувшим «программу пяти», которую Гапон предъявил, по словам И. Павлова, на трех листках из записной книжки, исписанных красными чернилами.⁴ Произошло это 5 января, после того как 27 декабря под сильнейшим давлением рабочих-активистов было принято решение начать забастовку и выработать резолюцию о рабочих пуждах. 6-го В. Я. Богучарский, получивший резолюцию от Гапона накануне, 5-го вечером, отправил ее в «Освобождение», где она и была напечатана в № 65.⁵

³ Варнашев Н. М. От начала до конца с Гапоновской организацией. — В кн.: Историко-революционный сборник, в. 1. М.—Пг., 1924, с. 198.

⁴ Павлов И. Я. Из воспоминаний о «Рабочем союзе» и священнике Гапоне. — Минувшие годы, 1908, № 4, с. 91.

⁵ Текст резолюции, приведенной А. А. Шиловым в его статье по корреспонденции в «Освобождении», может быть найден в сборнике докумен-

Опираясь на использованные В. И. Лениным письма из Петербурга в большевистскую газету «Вперед» и на прокламацию Петербургского комитета РСДРП 8 января 1905 г., Л. А. Шиллов оценил резолюцию как соответствовавшую многим положениям социал-демократической программы, указав, что хотя она и подчеркивала противоположность классовых интересов пролетариата и буржуазии, но недостаточно.

Вместо перечня 13 требований «программы пяти», изложенных тремя пунктами, резолюция содержала 15 требований, разделенных на две группы: первую — из 10 непосредственно рабочих требований, осуществимых и при капиталистическом строе, и вторую — из 5 общеполитических требований, завершавшую текст. «Внести коренное улучшение в положение трудящегося народа, — говорилось в резолюции, — может только передача земель, фабрик, заводов и прочих средств производства в руки народа. Но и при настоящем капиталистическом строе русский рабочий мог бы улучшить свое положение. Для этого необходимо: 1) чтобы наименьший размер (минимум) заработной платы устанавливался по соглашению депутации рабочих с хозяевами, которые не могли бы произвольно его понизить; 2) чтобы таким же способом устанавливался внутренний распорядок на фабриках и заводах; 3) уничтожить штрафы; 4) отменить детский труд; 5) отмена сверхурочных работ (в случае их необходимости — заработная плата должна быть двойная); 6) сократить рабочий день до восьми часов; 7) ввести государственное страхование рабочих при непосредственном участии самих рабочих в выработке законоположения о страховании и в управлении страхованием; 8) поставить фабричную инспекцию под непосредственный контроль рабочих союзов; 9) отменить прямые налоги, лежащие только на рабочих: выкупные платежи, мещанские и крестьянские подати, больничный, прописочный сборы и т. д.; 10) заменить косвенные налоги, которые всем бременем ложатся на беднейшие классы народа, прямым подоходным налогом.

Таковы те требования, которые могли бы быть удовлетворены теперь же, при существовании капиталистического производства. Но для этого необходимо, чтобы страной правили не чиновники, которые держат руку капиталистов и угнетают рабочий класс, а сам народ.

Положение рабочего класса безысходно. Никакие улучшения, исходящие от чиновничьего правительства, не достигают своей цели. Поэтому рабочие прежде всего должны стремиться к тому,

тов «Начало первой русской революции. Январь—март 1905 г.» (М., 1955, с. 16—18). Он воспроизведен там на основе перлюстрированного письма. Из разночтений с текстом «Освобождения» наиболее значительное находим в начале резолюции. В первой фразе в перлюстрации отсутствуют выделенные нами в тексте «Освобождения» слова: «„Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. С.-Петербурга“ от лица своего представителя священника Георгия Гапона, своих 7000 членов и остальных петербургских рабочих...».

чтобы получить гражданские права и участие в управлении государством.

Ближайшие требования рабочего класса, исполнение которых даст рабочим возможность организовать в рабочую партию и самим улучшить свое положение, следующие:

1. Созыв учредительного собрания из представителей всего русского народа, избранных всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием. Учредительное собрание должно выработать реформы по управлению государством, именно: передачу власти из рук чиновников в руки представителей народа, избираемых также всеобщим голосованием (парламент).

Необходимыми условиями для осуществления этого требования являются:

2. Уравнение в гражданских правах всех сословий (крестьян, мещан, купцов, дворян и духовных), народностей и вероисповеданий.

3. Гарантии гражданской свободы: неприкосновенность личности и жилища, свобода слова, печати, собраний, всевозможных обществ и рабочих союзов, свобода стачек.

4. Освобождение из тюрьмы и ссылки лиц, понесших наказание за так называемые политические преступления, в том числе за рабочие стачки и крестьянские беспорядки.

5. Прекращение войны по воле народа».

Резолюция не содержала ни обращений к царю, ни указаний на способ ее доведения до сведения правительства. Решение о шествии к Зимнему дворцу, которое, как считал Шилов, было принято лишь на следующий день, 6 января, дало Гапопу возможность заменить не удовлетворявшую его резолюцию, поставив на ее место петицию-прошение, составленную им самим в ночь на 7 января, поскольку набросанные его друзьями проекты петиции были, по его словам, для него неприемлемы. Второй вариант петиции (первым мы вслед за А. А. Шиловым считаем резолюцию) состоял из «программы пяти», развитого предисловия и короткого заключения к ней. Он был опубликован в большевистской газете «Вперед» 18 (31) января 1905 г. (№ 4) под названием «Петиция петербургских стачечников царю». Мы не воспроизводим его здесь, отсылая читателя не только к самой статье А. А. Шилова, но и к сборнику документов «Начало первой русской революции», где опубликован третий, окончательный, вариант петиции (о котором сейчас пойдет речь) с указанием всех разночтений, существующих между ним и вторым вариантом.⁶

Анализируя содержание петиции (так называемого второго ее варианта) в сопоставлении с резолюцией, А. А. Шилов отметил отсутствие зависимости петиции от резолюции, замену выдвигавшихся в резолюции требований просьбами петиции, а также мысли резолюции о необходимости рабочим организо-

⁶ Начало первой русской революции. М., 1955, с. 28—31.

ваться в свою партию мыслью петиции о даровании реформ свыше. «Резко выявленное в „резолуции“ противоречие интересов капиталистов и рабочих сильно смягчено в „петиции“, — писал А. А. Шилов, — ведь главные враги народа не хозяева, а казнокрады-чиновники. Национализация земель, заводов и фабрик выброшена. Зато в „петиции“ выявлена затупеванная мысль „резолуции“ о самодержавии, и Николай Романов превратился в идеального царя-батюшку, ничего не знающего и не ведающего о страданиях народа, благодаря своим чиновникам, царствующего по божеским законам, милующего и жалующего своих верноподданных, готовых идти ради него даже в могилу. Едва ли можно сомневаться, что все эти мысли принадлежали самому Гапону и им внесены в „петицию“».⁷

Дальнейшие изменения текста петиции явились результатом ее обсуждения на многолюдных рабочих собраниях 7 и 8 января. А. А. Шилов видел смысл этих изменений в стремлении сделать петицию не только рабочей, но и общенародной. Ее начало — «Мы, рабочие города С.-Петербурга» — было изменено на «Мы, рабочие и жители города С.-Петербурга разных сословий». А «программа пяти» предъявлялась «от лица всего трудящегося класса России». Было введено упоминание о «необходимости народного представительства». Более или менее случайный характер носили изменения в мартовской «программе пяти», из них наиболее значительными были внесенные в нее параграфы об отделении церкви от государства и прекращении войны по воле народа (это последнее требование, заключавшее резолюцию, во вторую редакцию не было включено). «Основные недостатки „петиции“, указанные при характеристике второй ее редакции, остались целиком и в третьей, но благодаря вставке ряда фраз и подчеркиванию немедленности осуществления ряда параграфов последняя редакция „петиции“ потеряла тон раболопной просьбы и приобрела характер, более соответствующий народным требованиям», — заключал свое исследование А. А. Шилов.⁸

Обладавшее несомненной убедительностью, оно оказало влияние на освещение истории петиции в литературе, явственно ощущаемое, в частности, в посвященном этому комментарию к сборнику документов «Начало первой русской революции» и в соответствующей главе «Истории Ленинграда».⁹ На работу А. А. Шилова ссылается Т. П. Бондаревская, отмечая, что плоды деятельности петербургских большевиков накануне 9 января проявились «прежде всего в содержании петиции».¹⁰ У. А. Шустер, отметивший, что «причины изменения текста петиции (и притом изменения в сторону «полевения») нужно искать не в кабинет-

⁷ Шилов А. А. К документальной истории... с. 32.

⁸ Там же, с. 36.

⁹ Начало первой русской революции, комм. 10, с. 810—811; История Ленинграда, т. III. М.—Л., 1956, с. 250—251.

¹⁰ Бондаревская Т. П. Петербургский комитет РСДРП в революции 1905—1907 гг. Л., 1975, с. 59.

ной истории вариантов, а в растущей „политизации“ самого движения в ходе массовых рабочих собраний», также использует работу А. А. Шилова, но при этом указывает, что история составления петиции «не во всех деталях представляется ясной».¹¹

Здесь следует сказать, что исследование А. А. Шилова сразу же после своего появления вызвало критические замечания со стороны двух различных по характеру научно-литературных занятий авторов. Оба эти замечания остались неразвитыми. Ныне представляется необходимым с известной подробностью остановиться на них и на затронутых в них вопросах. Первое из этих замечаний принадлежало А. Е. Преснякову, который, поставив статью А. А. Шилова в связь с опубликованной накануне ее появления С. Н. Валком отчетной запиской петербургского градоначальства,¹² обратил внимание на то, что решение об аресте Гапона объяснено в записке с помощью ссылки на «содержание заключительных пунктов петиции», ставшее известным властям 8 января. Между тем в редакциях, рассмотренных А. А. Шиловым, А. Е. Пресняков не видел оснований для такой ссылки. Ошибочно истолковав слова А. А. Шилова о том, что «не установлено в точности, с каким именно текстом петиции шли рабочие 9 января» (в действительности эти слова Шилова, стоящие в самом начале его статьи, явно относились к тому состоянию вопроса, с которым он столкнулся, приступая к его исследованию), А. Е. Пресняков продолжал: «По рукам тогда ходил текст — копия с представленного Святополк-Мирскому [министру внутренних дел. — *Р. Г.*] — с такой „заключительной частью“: „Россия слишком велика, нужды ее слишком многообразны и многочисленны, чтобы одни чиновники могли управлять ею. Необходимо, чтобы сам народ помогал себе: ведь ему только известны истинные его нужды. Не отталкивай же его помощь, прими ее, государь. Повели немедленно, сейчас же, призвать представителей земли русской от всех классов, от всех сословий. Пусть тут будет и капиталист, и рабочий, и чиновник, и священник, и доктор, и учитель. Пусть все, кто бы они ни были, изберут своих представителей, пусть каждый будет равен и свободен в праве избрания, а для этого повели, чтобы выборы в учредительное собрание происходили при условии тайной и равной подачи голосов. Это самая главная наша просьба“».¹³ Но приведенный А. Е. Пресняковым текст входит с незначительными разночтениями в состав второй и третьей редакций петиции, занимая в каждой из них центральное по положению место, а потому не может быть определен как «заключительная часть» или «приписка» (у А. Е. Преснякова есть и такой термин). Если не считать, что в его руках был оставшийся нам неизвестным

¹¹ Шустер У. А. Петербургские рабочие в 1905—1907 гг. Л., 1976, с. 81, 79.

¹² Валк С. Н. Петербургское градоначальство и 9 января. — Красная летопись, 1925, № 1 (12).

¹³ Пресняков А. Е. 1905 год. — Былое, 1925, № 4 (32), с. 23.

вариант петиции, завершившийся приведенным текстом, а это маловероятно, в частности, потому, что текст этот по содержанию не носит заключительного характера, придется признать эту попытку объяснить ссылку в записке градоначальства на «содержание заключительных пунктов петиции» неудачной.

Однако при всем том А. Е. Пресняков отметил весьма существенное упущение А. А. Шилова, и дело было не в одной только записке градоначальства. Многие официальные отчетные документы и заявления причастных к событиям официальных лиц сходятся в том, что на каком-то очень позднем этапе в текст петиции были внесены дополнения, которые изменили ее характер, превратив ее из документа, содержавшего чисто рабочие требования, в документ общеполитического характера. В записке градоначальства, кроме упоминания о том, что властям «8 января стало известным содержание заключительных пунктов петиции на высочайшее имя, составленной Гапоном при участии представителей революционных фракций», находим еще и слова о «расширении программы требований рабочих и составлении известной петиции на высочайшее имя с заключительными пунктами конституционного значения».¹⁴ Директор Департамента полиции А. А. Лопухин в своей записке 1 февраля, ссылаясь на влияние «главарей» революционных организаций, решивших придать забастовке «характер общего протеста рабочих против существующего государственного строя», утверждал, что Гапон, «еще в первых числах января рекомендовавший рабочим не возбуждать политических вопросов, не читать и жечь подпольные листки и гнать разбрасывателей их, войдя затем в сношения с помянутыми главарями, постепенно начал на собраниях отделов вводить в программу требований рабочих коррективы политического характера и, по внесении в нее последовательно-общеконституционных положений, закончил, наконец, эту программу требованием отделения церкви от государства».¹⁵ В другом месте своей записки Лопухин заявлял, что «именно» вечером 8 января Гапон «распространил текст петиции от имени рабочих на высочайшее имя, в которой, независимо от пожеланий об улучшении их экономических требований [так в тексте. — Р. Г.], были включены дерзкие требования политического свойства». «Петиция, — утверждал Лопухин в полном противоречии с действительностью, — большинству забастовщиков осталась неизвестной, и таким образом рабочее население было умышленно введено в заблуждение о действительной цели созыва на Дворцовую площадь, куда и двинулось с единственным сознательным намерением принести челобитную о своих нуждах и малом заработке».¹⁶

В лопухинской записке в сущности развивалась версия правительственного сообщения о событиях 9 января, в котором

¹⁴ В а л к С. Н. Петербургское градоначальство... , с. 39, 40.

¹⁵ Начало первой русской революции, с. 101.

¹⁶ Там же, с. 102.

утверждалось, что «пропаганда явно революционная» началась вследствие «подстрекательства подпольных революционных кружков» «с утра 8 января» («в этот день священником Гапоном была составлена и распространена петиция от рабочих на высочайшее имя, в коей рядом с пожеланиями об изменении условий труда были изложены дерзкие требования политического свойства»).¹⁷

Излагая со слов министра внутренних дел П. Д. Святополк-Мирского содержание петиции, отвезенной им 8-го вечером царю, жена министра записала в своем дневнике: «Она касается почти исключительно политических вопросов, между прочим, чтобы по воле народа был заключен мир и чтобы церковь была отделена от государства, чтобы был общественный контроль над правительством и т. д.; кончается тем, чтобы государь сделал все это, а не только говорил, чтобы он принял из рук самих рабочих их петицию — „обещайся и поклянись, а то прольется кровь“».¹⁸

Министр финансов В. Н. Коковцов, отвечая позже на обвинения предпринимателей в том, что не только полицейские власти, но и ведавшее промышленностью финансовое ведомство просмотрело характер движения, утверждал, что «6 января, до беспорядков, до известного адреса, ставшего известным 8 января, все фабриканты, 118 человек, заявили успокоительные известия».¹⁹

Утверждения о ставшей известной 8-го неожиданной и поздней политизации петиции должны были оправдать карательные действия властей «предъявлением требований об изменении существующего государственного строя», тем, что, по словам Лопухина, «вполне мирному движению рабочих» был придан «характер народной манифестации, направленной к ограничению самодержавия», причем «масса рабочих» была якобы «не осведомлена о внесении в петицию политических требований, а обманно уверена в представлении его величеству ходатайства исключительно

¹⁷ Девятое января. Книга для чтения. Сост. А. А. Шилов. Л.—М., 1925, с. 176.

¹⁸ Дневник кн. Е. А. Святополк-Мирской за 1904—1905 гг. — Истор. записки, 1965, т. 77, с. 273.

¹⁹ Записки В. Г. Глазова о совещании у С. Ю. Витте 18 января 1905 г. — Красный архив, 1925, т. 4—5 (11—12), с. 30. — Речь шла о созванном Коковцовым вечером 6-го совещании крупнейших столичных заводчиков, которое отклонило основные требования забастовщиков (Коковцов — Святополк-Мирскому, 7 января 1905 г. — В кн.: Путиловец в трех революциях. Сб. материалов. Сост. и подг. С. Б. Окунь. Л., 1933, с. 63). Исходя из отмеченной Коковцовым одинаковости рабочих требований на различных фабриках и заводах, С. Б. Окунь, ссылаясь на работу А. А. Шилова, ставил их в связь с мартовской «программой пяти».

На совещании у Витте 18 января, где страх перед будущим господствовал надо всем, Коковцов, судя по записи Глазова, занял такую позицию, что чисто рабочие требования могут де быть удовлетворены немедленно («нужды рабочих 1) удовлетворить сейчас ведомств[ом] м[инистерства] финансов, меры приняты; другая часть 2) в разработке законодательства, работа в м[инистерстве] финансов ведется ... Из числа 18 заявленных рабочими пунктов 13 могут быть удовлетворены теперь». — Записки В. Г. Глазова... , с. 36).

об удовлетворении некоторых нужд рабочего класса».²⁰ Хотя движение забастовщиками требований политического характера и не было единственной причиной решения властей о расправе с рабочей манифестацией (отказ промышленников удовлетворить требования бастующих, разумеется, имел важное значение), но действительно сыграло свою роль в его принятии. И принято было это решение еще 7 января, после того как забастовка приобрела всеобщий характер, а министр юстиции Н. В. Муравьев, свернув принесенный ему Гапоном утром этого дня экземпляр одного из вариантов петиции с уже имевшимся у него экземпляром, заявил, что речь идет об ограничении самодержавия. «Собственно рабочий вопрос — пустяки, — излагала Святополк-Мирская суть их беседы, — они только придрались к этому, а главное — политика».²¹ Какой-то вариант петиции, по-видимому, до 8-го оказался и у градоначальника генерала И. А. Фуллона.²²

Хотя отчетливо выраженный политический характер рабочие требования приобретали под давлением масс и влиянием социал-демократов лишь в самые последние дни накануне шествия ко дворцу, причем впоследствии настроенные против «политики» активисты гапоновского общества настаивали на том, что они, как и некоторые другие рабочие, осознали это очень поздно,²³ тем не менее ни один из вариантов петиции не был свободен от требований чисто политического характера.^{23а} Ни мартовская «программа пяти», ни резолюция о рабочих нуждах, рассматриваемая как первый вариант петиции, ни второй и третий ее варианты никоим образом не могли быть названы, как это сделал Лопухин, «ходатайством исключительно об удовлетворении некоторых нужд рабочего класса» или его «челобитной о своих нуждах и малом заработке». Нельзя исключить, что Лопухин и Святополк-Мирский впервые ознакомились с петицией в ее третьем, окончательном, варианте (напомним, что отделение церкви от государства, названное Лопухиным, не фигурировало ни в одном из предшествовавших вариантов, а добавленное к нему Свято-

²⁰ Записка директора Департамента полиции А. А. Лопухина... — В кн.: Начало первой русской революции, с. 101—102.

²¹ Дневник кн. Е. А. Святополк-Мирской за 1904—1905 гг., с. 273.

²² Любимов Д. Н. Гапон и 9 января. — Вопросы истории, 1965, № 8, с. 126.

²³ Протоколы допросов В. А. Иноземцева и В. А. Янова 20, 13, 18 января 1905 г. — Красная летопись, 1922, № 1, с. 309, 311, 312, 314, 319; Протокол допроса А. М. Горького. — Истор. архив, 1955, № 1, с. 99. Отметим, что в развешенном 8-го с утра объявлении гапоновского собрания о воскресном шествии ко дворцу его целью провозглашалась подача царю «просьбы о содействии к удовлетворению рабочих нужд».

^{23а} С. П. Валк отмечал, что «основное политическое требование петиции — о созыве Учредительного собрания — было заимствовано из первого ее наброска, авторство которого принадлежит неуставленному социал-демократу» (Валк С. П. Революционное движение [в Петербурге] с 1860-х годов до империалистической войны. — В кн.: Ленинград. Путеводитель, т. I, М.—Л., 1933, с. 101).

полк-Мирской прекращение войны по требованию народа было тем пунктом резолюции, который перешел в третий вариант петиции, минуя второй). Однако против такого предположения, даже если согласиться с утверждениями гапоновцев-мемуаристов о том, что мартовская «программа пяти» была сохранена от властей в тайне, и допустить, что Фуллон и Муравьев до 8-го не ознакомили с бывшими у них экземплярами одного и того же или разных вариантов петиции руководителей Министерства внутренних дел, говорит показание одного из участников составления резолюции С. Я. Стечкина (о нем будет сказано далее), согласно которому Гапон 5 января передал резолюцию многим представителям печати.²⁴ Кажалось бы, резолюция обязательно должна была попасть не только к градоначальнику и министру юстиции, но и к директору Департамента полиции и министру внутренних дел... Но, с другой стороны, если она к ним все-таки не попала, они могли довольно долго быть под успокоительным впечатлением заверения, данного Гапоном Фуллому 3 января. Оно, в частности, гласило: «До настоящей минуты все требования только экономические, но если вы не пойдете на уступки, чтобы предупредить взрыв, то дальше будет хуже. Но, по крайней мере, не употребляйте силы, не приводите казаков. М. б., рабочие захотят дать петицию царю, так не бойтесь: все будет тихо и мирно. Рабочие желают только, чтобы слышали их голос».²⁵ Начальник канцелярии министра внутренних дел Д. Н. Любимов утверждал в своих воспоминаниях, что Гапону удалось успокоить Фуллона даже после того, как один из вариантов петиции попал в его руки: «Градоначальник, познакомившись с текстом петиции, было, заволновался, но Гапон ездил к нему для объяснений, и никаких мер принято не было».²⁶

Но если в официальном правительственном сообщении и у Лопухина находим лишь общие утверждения о неожиданной политизации петиции, то в отчетной записке градоначальства содержатся, как мы видели, еще и прямые указания на то, что требования общеполитического, конституционного, содержания оказались в тексте документа заключительными. Наиболее простым объяснением этого является предположение о том, что в записке градоначальства имелась в виду резолюция, в которой, как мы знаем, пять пунктов общеполитического содержания были вынесены в конец. Отметим, что в листовке ПК РСДРП 8 января эти пять заключительных пунктов резолюции фигурировали как выдвинутые в петиции, с которой 6 января собрание путиловских рабочих призвало всех петербургских рабочих идти ко дворцу.²⁷ Таким образом, в возбужденной атмосфере кануна

²⁴ Протокол допроса С. Я. Стечкина 3 февраля 1905 г. — Красная летопись, 1922, № 1, с. 326.

²⁵ Гапон Г. История моей жизни. Л., 1926, с. 81.

²⁶ Любимов Д. Н. Гапон и 9 января, с. 126.

²⁷ Начало первой русской революции, с. 40—41.

«Кровавого воскресенья» терялись точные следы истории текста петиции.

Не исключено, однако, что «заключительные пункты политического содержания» были вольностью официальной «текстологии». Не были ли объявлены заключительными пункты, сохранившиеся во втором и в третьем вариантах, хотя и не в самом конце текста, но перед последним его абзацем? Не удобнее ли было представить пункты политического значения добавленными в конец, «припиской», как выразился А. Е. Пресняков: Ведь упоминавшийся уже Д. Н. Любимов, изложив с обильными цитатами второй вариант петиции, писал: «В заключение следовали требования свободы слова, личности, исповеданий и пр.»²⁸

Хотя использованные здесь нами материалы в большинстве были известны до выхода работы А. А. Шилова, он не уделил этой стороне дела внимания, чем и было вызвано замечание А. Е. Преснякова.

Другое замечание было сделано Л. Я. Гуревич в комментарии, составленном ею к переизданию известной ее работы о 9 января.²⁹

Отметив, что «сложный и запутанный неточными указаниями дат вопрос о составлении петиции подробно разобран А. А. Шиловым», и воспроизведя данную в его статье «четкую и чрезвычайно убедительную схему истории составления петиции», Л. Я. Гуревич далее писала: «Эта превосходная схема все же не уясняет некоторых известных нам подробностей».³⁰ Она усмотрела противоречие между утверждением А. А. Шилова о том, что резолюция была написана 5 января «представителем социал-демократии», и сделанным в тот же день на рабочем собрании заявлением сотрудника «Русской газеты» С. Я. Стечкина (псевд. Н. Строев), согласно которому резолюция была разрабо-

²⁸ Любимов Д. Н. Гапон и 9 января, с. 127. — Отметив, что «в знаменитой петиции 9 января не только были, но даже преобладали над экономическими политические ходатайства», Любимов объявлял «громадной политической ошибкой» запрет на ее напечатание, вследствие чего распространилось мнение, «что шествие рабочих „к царю“ не было политической демонстрацией, а они мирно шли „бить ему челом“ о своих экономических нуждах».

²⁹ Гуревич Л. Я. Девятое января. Харьков, 1926. — Ее работа, появившаяся в 1906 г. в «Былом» и тогда же вышедшая отдельным изданием, явилась первым исследованием событий «Кровавого воскресенья», созданным на основе материалов, которые были добыты из первых рук по горячим следам событий. Известная в то время литературно-издательская деятельница (впоследствии видный советский театровед), Л. Я. Гуревич явилась одним из организаторов распространения анкет между рабочими — участниками движения. Решение об этом было принято группой интеллигентов в самый день 9 января и осуществлялось среди пострадавших врачами в больницах и адвокатами — в нескольких бесплатных юридических консультациях (Доклад Л. Я. Гуревич в Государственной академии художественных наук 22 января 1925 г. — ЦГАЛИ, ф. 131, оп. 1, д. 16, л. 1—2). Результатом явились 300 анкет с ответами рабочих и записи нескольких десятков опросов.

³⁰ Гуревич Л. Я. Девятое января, с. 83—84.

тапа им и представителями социал-демократии.³¹ По этому поводу Л. Я. Гуревич сообщила, что Стечкин в 1905 г. рассказал ей и об этом собрании 5 января, и о своем участии совместно с социал-демократами в производившейся у него на квартире подготовке резолюции.³²

Л. Я. Гуревич считала также невыясненным вопрос о том, кто были те друзья Гапона, которые писали не удовлетворившие его проекты второго варианта петиции. «По этому поводу» она и сообщила, что у нее сохранилась «копия какого-то чернового экземпляра петиции... не тождественного ни с одним вариантом петиции из приведенных Шиловым», который был ею получен в январе 1905 г. от забытого ею лица. Документ этот в комментариях Л. Я. Гуревич приведен не был, но сохранился в ее бумагах (копия сделана неизвестным нам почерком по старой орфографии без исправлений и помарок).³³ Приводим его полностью.

«Мы идем к тебе, государь, мы все рабочие и жители Петербурга, с нашими женами, детьми, отцами и матерями идем к тебе просить правды и защиты. Мы бедны, забиты, обременены непосильным трудом. нас оскорбляют, обращаются с нами не как с людьми, но как с рабами, которые должны молча терпеть самую жестокую участь. Много уж мы терпели, и со дня на день все глубже и глубже становится наша падение. У нас нет прав, нам не дают образования, нас душат насилием и несправедливостью. Мы пропадаем, мы обессилены. Государь, мы дошли до предела человеческого страдания, мы дошли до того ужасного состояния, когда умереть лучше, чем жить среди невыносимых мучений.

Мы прекратили работу, объявив хозяевам, что мы не вернемся на фабрику, пока не исполнят наши требования. А мы просили немногого, мы просили только средств к жизни, без которых жизнь есть бремя, а работа одна сплошная пытка.

Первая наша просьба была, чтобы хозяева обсудили вместе с нами наши нужды. Они отказались. Нам отказали в праве представить наши требования под тем предлогом, что закон не дает нам этого права.

Мы требовали восьмичасового рабочего дня, установки заработной платы по взаимному соглашению, учреждения суда для разбора недоразумений между нами и мастерами, увеличения жалования чернорабочих до рубля в день, уничтожения сверхурочной работы, просили, чтобы мастер давал нам объяснения в неоскорбительных для нас выражениях и чтобы мастерские были устроены так, чтобы мы не болели из-за снега, дождя и сквозняка. Во всем этом нам было отказано, и даже самая наша

³¹ Об этом заявлении сообщил в своем письме от 5 января рабочий, член Петербургского комитета РСДРП. Письмо приведено в статье В. И. Ленина «Первые шаги» (Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 9, с. 222).

³² Гуревич Л. Я. Девятое января, с. 84.

³³ ЦГАЛИ, ф. 131, оп. 2, д. 17, л. 50—53.

просьба рассматривалась как преступление, а желание улучшить свое положение как дерзость против хозяев.

Государь, нас здесь более 300 000, но мы сохранили только облик человеческий, а права человеческого у нас нет ни одного. Даже права говорить, думать и сообща толковать о своих нуждах, о том, как помочь им, у нас нет. наших товарищей, осмелившихся возвысить голос на защиту народа и рабочих, бросают в тюрьмы, ссылают. Доброта считается преступлением. Сострадание к униженным и несчастным наказывается как злодеяние.

Бюрократия привела народ к краю пропасти, к разорению, к разгрому постыдной войны. Мы не имеем голоса в тяжелых налогах, обременяющих нас. Мы не знали даже, для кого и зачем вырывают эти деньги у разоренного народа, мы не знаем, как тратятся эти деньги. Государь, разве не по божеским законам ты управляешь нами? Жизнь наша невозможна. Лучше нам всем погибнуть, всем рабочим в России, предоставив капиталистам и чиновникам жить и наслаждаться. Мы собрались перед твоим дворцом и просим: спаси нас, не отказывай в помощи своему народу, помоги ему разорвать путы бесправия, нищеты и невежества, освободи его от невыносимого гнета чиновников. Разрушь стену, отделяющую тебя от народа, чтобы он мог вместе с тобой управлять государством, созданным для счастья народного, того счастья, которое вырывают у нас, оставляя на нашу долю только муки и унижение.

Прими благосклонно наши просьбы, внушенные желанием твоего и нашего блага, сознанием необходимости выйти из этого невыносимого положения. Россия слишком велика, ее потребности слишком разнообразны и сложны, чтобы чиновники одни могли управлять ею. Необходимо *народное представительство*,³⁴ потому что только сам народ знает свои истинные потребности. Не отталкивай его помощи, прими его сотрудничество и прикажи тотчас же созвать представителей всех сословий, включая и рабочих. Пусть все свободно пользуются равным избирательным правом. Прикажи, чтобы выборы в учредительное собрание производились всеобщей подачей голосов. Это наше главное требование, в нем заключаются и все остальные. Это первое лекарство от наших ран, иначе мы должны скоро погибнуть. Но, конечно, одного этого мало, чтобы залечить все наши раны. И поэтому мы открыто и чистосердечно, как отцу, от лица всего рабочего народа скажем тебе, что еще надо сделать.

Надо дать:

1. Свободу и неприкосновенность личности, свободу слова, печати, собраний, свободу совести.
2. Всеобщее, бесплатное и обязательное образование.
3. Ответственность министров перед народом и гарантии против произвола администрации.
4. Равенство всех перед законом.

³⁴ Подчеркнуто карандашом.

5. Немедленную амнистию всех, кто пострадал за свои убеждения.
6. Уничтожение всех косвенных налогов и замену их прямым прогрессивным подоходным налогом.
7. Отмену выкупных платежей. Дешевый кредит и постепенную передачу государственных земель народу.
8. Законодательную охрану рабочего класса.
9. Свободу ассоциаций для кооперативных и производительных целей.
10. Восьмичасовой рабочий день и ограничение сверхурочной работы.
11. Свободу в борьбе между трудом и капиталом.
12. Участие представителей рабочих в выработке форм государственного страхования рабочих.
13. Установление нормальной заработной платы.

Вот, государь, наши главные нужды, и только когда они будут удовлетворены, Россия может освободиться от поработившего ее зла и процветать. Только тогда рабочие могут сплотиться и защищать свои интересы против постыдной эксплуатации.

Если же ты не отдашь этого повеления, если ты не ответишь на нашу просьбу, тогда мы умрем на этой площади, перед твоим дворцом. Нам больше некуда идти и перед нами только две дороги: одна ведет к свободе и к счастью, другая — в могилу. Укажи, царь, каким путем нам идти, и мы пойдем, хотя бы он привел нас к могиле. Пусть наша жертва спасет измученную Россию.

Мы, не колеблясь, принесем эту добровольную жертву».

Л. Я. Гуревич не пыталась определить место этого документа в общей истории текста петиции, ограничившись замечанием о том, что «он суше, рассудочнее по стилю», чем известные варианты, «и 13 требований, предъявленных в нем царю, даны в обычной нумерации, без привычных Гапону с марта 1904 г. делений под римскими цифрами («Меры против невежества и бесправия народа» и т. д.)».³⁵ Можно лишь предположить, что она видела в нем переходную ступень от резолюции — первого варианта петиции — ко второму ее варианту. Нам представляется, однако, что его место между вторым и третьим вариантами, так как в нем находим по меньшей мере четыре момента, отсутствовавшие во втором варианте и появившиеся в третьем. Прежде всего в первой фразе этого текста, как нами было уже отмечено применительно к третьему варианту, в отличие от второго, речь шла об обращении к царю не только от имени рабочих, но и жителей Петербурга. Затем в нем, как и в третьем варианте, содержатся отсутствовавшие во втором слова — «необходимо народное представительство». Далее в сопоставлении приводятся два отрывка из текста, сохранившегося в бумагах

³⁵ Гуревич Л. Я. Девятое января, с. 84.

Л. Я. Гуревич, и третьего варианта, подобных которым не находим во втором (за исключением выделенных нами первых слов второго отрывка):

Текст, сохранившийся
у Л. Я. Гуревич

Бюрократия привела народ к краю пропасти, к разоренью, к разгрому постыдной войны. Мы не имеем голоса в тяжелых налогах, обременяющих нас. Мы не знаем даже, для кого и зачем вырывают эти деньги у разоренного народа, мы не знаем, как тратятся эти деньги.

Вот, государь, наши главные нужды, и только когда они будут удовлетворены, Россия может освободиться от поработившего ее зла и процветать. Только тогда рабочие могут сплотиться и защищать свои интересы против постыдной эксплуатации.

Третий вариант
петиции

Весь народ рабочий и крестьяне отданы на произвол чиновничьего правительства, состоящего из казнокрадов и грабителей, совершенно не только не заботящегося об интересах народа, но попирающих эти интересы. Чиновничье правительство довело страну до полного разорения, навлекло на нее позорную войну и все дальше и дальше ведет Россию к гибели. Мы, рабочие и народ, не имеем никакого голоса в расходовании взимаемых с нас огромных поборов. Мы даже не знаем, куда и на что деньги, собираемые с обнищавшего народа, уходят. Народ лишен возможности выражать свои желания, требования, участвовать в установлении налогов и расходовании их. Рабочие лишены возможности организовать в союзы для защиты своих интересов.

Вот, государь, наши главные нужды, с которыми мы пришли к тебе. Лишь при удовлетворении их возможно освобождение нашей родины от рабства и нищеты, возможно ее процветание, возможно рабочим организовать для защиты своих интересов от наглой эксплуатации капиталистов и грабящего и душащего народ чиновничье правительство.

Следует отметить, что определение числа участников шествия в более чем 300 тыс. человек, существовавшее в тексте Гуревич и во втором варианте, заменено в третьем «многими тысячами». Кроме того, в первой фразе этого текста находим слова «идем к тебе, государь», в то время как во втором и третьем вариантах — «пришли к тебе, государь». Этого, однако, с нашей точки зрения, недостаточно, чтобы поместить документ Л. Я. Гуревич между первым и вторым вариантами петиции. Впрочем, строгая последовательность в эволюции текста петиции на этом именно этапе менее вероятна, чем возможность параллельной работы над текстом при участии различных лиц.

Помимо сделанных в печати замечаний, в разбор которых оказались, как видим, вовлеченными весьма существенные обстоя-

тельства, статья А. А. Шилова дает повод и для некоторых других суждений. Так, решая одну из первых задач своего исследования, устанавливая связь между мартовской «программой пяти» и последующими вариантами петиции, он 6 января 1925 г. обратился за помощью к рабочим — деятелям гапоновского общества — А. Е. и В. М. Карелиным, Н. М. Варнашеву, Вл. А. Князеву, А. С. Семенову и Вл. Ант. Андригуну, из которых А. Е. Карелин и Н. М. Варнашев были участниками мартовского собрания 1904 г. На вопрос А. А. Шилова собравшиеся ответили, что предложенные Гапоном на этом собрании параграфы и пункты без изменений вошли во второй вариант петиции. Но вряд ли возможен был иной ответ, и не только потому, что в своих воспоминаниях Карелин в 1922 г., а Варнашев в 1924 г. уже заявили то же самое, но и потому, что существовала прочная традиция в трактовке этого вопроса в мемуарах рабочих-гапоновцев, восходившая к вышедшей в 1907 г. работе профессионального историка В. Святловского.

Излагая историю появления мартовской «программы пяти», И. Павлов, автор едва ли не первых по времени появления мемуаров о гапоновском обществе, прямо сослался на книгу В. Святловского, добавив: «Бывшие сотрудники Гапона утверждают, что петиция совершенно соответствовала этому ее прототипу».³⁶ Святловский, сам близко стоявший к движению петербургских рабочих в 1905 г. и тогда же делавший о нем свои записи,³⁷ утверждал, что на мартовском собрании «пяти самых влиятельных рабочих»³⁸ Гапон прочел те 11 пунктов своей резолюции, которые почти спустя год сыграли такую громадную роль».³⁹ «Нет сомнения, — писал затем Святловский, — что основные черты знаменитой петиции были выработаны Гапоном еще в марте и что они создались под напором ясно видевших дело сознательных рабочих».⁴⁰ Таков был первый, довольно плодотворный приступ к изучению происхождения петиции.

Попытаемся теперь, не ломая шпловской схемы, сделать к ней несколько дополнений. Итак, к концу 1904 г. Гапон располагал лишь мартовской «программой пяти». Между тем, по словам В. Святловского, «в ноябре вопрос о реализации мартовских пунктов выплывает наружу».⁴¹ И хотя мелкобуржуазные интеллигентские деятели С. Н. Прокопович, Е. Д. Кускова, В. Я. Богучарский и др., которым эти пункты были тогда предъявлены, сочли их более чем достаточными и ограничились советом принять резолю-

³⁶ Павлов И. Я. Из воспоминаний о «Рабочем союзе» и священнике Гапоне, с. 90.

³⁷ Святловский В. История профессионального движения в России. Л., 1925, с. 3.

³⁸ Варнашев насчитывал пять участников, включая Гапона.

³⁹ Святловский В. Профессиональное движение в России. СПб., 1907, с. 91.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

ции, подобные принимавшимся в то время в ходе пресловутой банкетной кампании, в рабочей среде усиливалась агитация за самостоятельное выступление с радикальными требованиями общеполитического характера.

Большевики направляли «все усилия с самого начала на поддержку и развитие революционных элементов стихии при сдержанном, недоверчивом отношении к темному, зубатовскому тылу этой стихии».⁴² При этом им приходилось не только бороться с влиянием Гапона, который, по словам письма С. И. Гусева В. И. Ленину, не упускал случая, «чтобы так или иначе дискредитировать с. д.», но и преодолевать сопротивление меньшевиков, с готовностью уступавших лидерство любым непролетарским элементам. «С рабочими теперь заигрывают все. Вы не можете себе представить, сколько теперь появилось всяких авантюристов и проходимцев, готовых обещать рабочим все, что угодно», — писал С. И. Гусев В. И. Ленину.⁴³ Перед рабочими выступали представители либеральных кругов, иногда случайные люди, близкие к Гапону. Так, на собраниях 12 и 18 декабря идею уличной демонстрации с предъявленным петиции по образцу земских отстаивал помощник присяжного поверенного И. М. Финкель. Его роль усиленно подчеркивали в своих показаниях противники политизации движения В. А. Иноземцев и В. А. Янов.⁴⁴

Общеизвестно то сопротивление, которое на собрании «должностных лиц» Общества 27 декабря⁴⁵ оказал Гапон предложению о подаче петиции. Согласившись с ним, он, однако, не изменил своего отношения к «политике». В течение первых чисел января, очевидно вплоть до 5-го, в отделениях Общества действовала уже известная нам его установка — революционных листовок «не читать и жечь, разбрасывателей гнать и никаких политических вопросов не затрагивать».⁴⁶ Данное им 3 января Фуллоу обещание отражало, по-видимому, его намерение не допустить политизации

⁴² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 263.

⁴³ Письмо С. И. Гусева В. И. Ленину 5 января 1905 г. — В кн.: Начало первой русской революции, с. 9; Бондаревская Т. П. Петербургский комитет РСДРП..., с. 54—60.

⁴⁴ Красная летопись, 1922, № 1, с. 314, 316.

⁴⁵ Дату этого собрания установил Б. А. Романов (К характеристике Гапона. — Красная летопись, 1925, № 2 (13), с. 38—43), исправив В. Невского (Январские дни в Петербурге. — Красная летопись, 1922, № 1, с. 16), считавшего, что оно было 28 декабря. А. А. Шилов (К документальной истории..., с. 24) приписывает решение о подаче петиции экстремному собранию представителей отделов Общества, состоявшемуся в этот день, 27-го, на Васильевском острове. Между тем принявшее это решение собрание «должностных лиц» состоялось на квартире Гапона, скорее всего, до экстремного собрания (Шустер У. А. Петербургские рабочие..., с. 71).

⁴⁶ Невский В. Январские дни... с. 22. — В соответствии с этим большевики А. Л. Харпк, Ю. П. Жилевич и Явич, предложившие 2 января на собрании Нарвского отдела выдвинуть лозунг политической свободы, встретили сопротивление, возглавленное председательствовавшим В. Иноземцевым, который заявил, что надо держаться на чисто экономической почве, избегая политических вопросов (там же, с. 17).

программы, хотя, конечно, мартовские пункты никак нельзя было считать свободными от политики.

Их он собирался провести в качестве резолюции назначенного на 6 января (но затем отложенного на 19 февраля) митинга, в котором предполагалось участие 5—6 тыс. рабочих. Сообщая об этом В. И. Ленину, С. И. Гусев привел мартовские пункты с некоторыми разночтениями по сравнению со вторым вариантом петиции. Пункт первый гласил: «Меры против нищеты [во втором варианте — невежества. — *Р. Г.*] и бесправия русского народа». В нем отсутствовало требование политической амнистии. Свобода печати была разъяснена как «явочный порядок издания, а не концессионный», гарантия законности правления — как «конституционная, с неперменным участием в должном количестве представителей от рабочих и народа, выбранных свободно самими рабочими и народом», а равенство перед законом — как «всесословная земская единица». В пункте втором второй параграф гласил: «Прогрессивный налог на землю, доход и наследство (установления обеспечения критерия для свободы от налога)». К этому пункту С. И. Гусев сделал примечание: «Документ воспроизводится дословно, и за безграмотность, а также за плагиат у с.р. ответственности на себя не беру». В третьем пункте второй параграф гласил: «Свобода потребительных и профессиональных рабочих союзов (явочный порядок)», свобода борьбы труда с капиталом была разъяснена как свобода стачек, но отсутствовало требование нормальной заработной платы. В постскриптуме к этому письму от 5 января, начинавшемся словами: «События развиваются с страшной быстротой», в частности, указывалось: «На воскресенье Гапон назначил шествие к Зимнему дворцу для подачи петиции с требов[аниями], вполне соответств[ующими] программе-минимум (политич. части)». ⁴⁷ Речь здесь, несомненно, шла о резолюции, написанной в этот день и сейчас же прочитанной Строевым. Этим подтверждается данная Шиловым ее датировка, но ставится под сомнение общепризнанное представление о том, что решение о шествии ко дворцу было принято 6-го. Следует также отметить, что, согласно приведенным В. И. Лениным сведениям корреспондента английской газеты «The Standard», 5 января состоялись три собрания и приняты политические требования. ⁴⁸ Требования эти почти полностью совпадают с заключительными пунктами резолюции.

Составление резолюции, отмена назначенного на 6-е митинга, на котором должна была проводиться мартовская «программа пяти», несомненно, знаменовали собой известное отступление гапоновцев перед лицом нараставшей революционности масс. Возможно, впрочем, что маленьким шагом в этом направлении уже были сделанные в тексте мартовской программы добавления, особенно раскрытие параграфа о гарантии законности правления.

⁴⁷ Письмо С. И. Гусева В. И. Ленину, 5 января 1905 г., с. 8—10.

⁴⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 176.

Замена мартовских пунктов резолюцией была не столько заслугой оставшегося неизвестным социал-демократа, сколько результатом всей деятельности петербургских большевиков, стремившихся превратить экономическую стачку путиловцев в общую политическую стачку рабочих города.⁴⁹ Это подтверждается, в частности, сопоставлением резолюции с большевистской листовкой «Ко всем рабочим Путиловского завода», выпущенной в тот же день 5 января, как бы в ответ на обвинения директора завода в том, что организаторы забастовки «преследуют цели политические, весьма далекие от пользы современному положению рабочих». «Мы обратимся ко всем петербургским рабочим, — гласила листовка, — и все вместе будем дружно бороться против наших врагов — капиталистов и правительства. Пора, пора уже сбросить нам с себя непосильный гнет полицейского и чиновничьего произвола! Нам нужна политическая свобода, нам нужна свобода стачек, союзов и собраний, нам необходимы свободные рабочие газеты. Нам необходимо народное самоуправление (демократическая республика)».⁵⁰

Характеризуя разницу между мартовскими пунктами и резолюцией, А. Е. Пресняков отмечал, что в ней «при более полной и четкой формулировке социально-экономического переворота поставлено требование созыва учредительного собрания и передачи власти из рук чиновников в руки представителей народа».⁵¹ Это ясно показывала как бы своей собственной интерпретацией резолюции большевистская листовка, обращенная 6 января к рабочим Шлиссельбургского района, среди которых ознакомление с резолюцией началось накануне. В резолюции после изложения, условно говоря, рабочих требований и перед перечнем требований общеполитических, открывавшимся требованием учредительного собрания, избранного всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием, указывалось: «Таковы требования, которые могли бы быть удовлетворены теперь же, при существующем капиталистическом производстве. Но для этого необходимо, чтобы странюю правили не чиновники, которые держат руку капиталистов и угнетают рабочий класс, а сам народ». В листовке же после рабочих требований говорилось: «Но, товарищи, чтобы бороться за эти требования, за лучшую долю свою, нам нужно другое правительство, которое служило бы нашим интересам, а не интересам фабрикантов и притеснителей. Мы должны энергично требовать созыва Учредительного собрания из представителей народа па началах всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права. Долой самодержавие! Да здравствует республика! Да здравствует социализм!».⁵²

Резолюция не удовлетворяла Гапона не только своей не подходящей для шествия формой, лишенной верноподданнического

⁴⁹ Бондаревская Т. П. Петербургский комитет РСДРП..., с. 152.

⁵⁰ Начало первой русской революции, с. 11.

⁵¹ Пресняков А. Е. 1905 год, с. 20.

⁵² Начало первой русской революции, с. 19.

обращения к царю, но и потому, что, несмотря на недостаточную последовательность, тем не менее, по оценке А. Е. Преснякова, «своей определенно-революционной постановкой она срывала весь его замысел».⁵³ И Гапон приступил к составлению второго варианта петиции с мартовской «программой пяти» в центре ее. Кто же были те друзья Гапона, которые приняли участие в его составлении? Существуют сведения о двух таких лицах противоположного друг другу типа — об инженере Путиловского завода, деятеле эсеровской партии П. М. Рутенберге и литераторе с весьма сомнительной репутацией А. И. Матюшенском. Первый, ставший через год с небольшим организатором убийства Гапона, с начала стачки посещал рабочие собрания, и фраза С. И. Гусева о плагиате у эсеров могла на самом деле относиться к результатам его правки мартовских пунктов. Второй был одним из тех «авантюристов и проходимцев, готовых обещать рабочим все, что угодно», о которых писал С. И. Гусев. В свое время с «русским Рокамболом», как был назван Матюшенский ввиду его проделок в печати, боролся в Нижнем Новгороде В. Г. Короленко. У Гапона Матюшенский появился в начале января, представив себя в качестве одного из организаторов бакинской стачки, хотя, как давал понять знавший его журналист А. Филиппов, он играл в Баку провокационную роль, проявляя наибольший интерес к деньгам, как собранным стачечниками, так и поступившим в охранку.⁵⁴ Этот-то Матюшенский уже в 1906 г. в русской зарубежной печати приписал себе и мысль о шестви, и составление петиции по предложению Гапона.⁵⁵ А. Филиппов также писал о составлении петиции Матюшенским, о его и Гапона упорном сопротивлении сильнейшему давлению некоторых рабочих в пользу включения политических требований.⁵⁶ Гораздо более правдоподобны, однако, показания В. А. Янова, согласно которым вечером 7-го он видел, как Матюшенский «лишь переделывал петицию в ее начале и конце, придавая этим частям более литературную форму», причем написанные Гапоном требования были в середине ее. Речь шла, по словам Янова, об «окончательной редакции», что подтверждается его сообщением о включении в нее требований об отделении церкви от государства и о прекращении войны по воле народа.⁵⁷

Тем не менее известный политический защитник В. Беренштам, сообщивший в своих воспоминаниях об участии в работе

⁵³ Пресняков А. Е. 1905 год, с. 20.

⁵⁴ Филиппов А. Странички минувшего. I. О Гапоне. СПб., 1913, с. 19.

⁵⁵ См.: Шолов А. А. К документальной истории..., с. 29.

⁵⁶ Филиппов А. Странички минувшего, с. 21.

⁵⁷ Красная летопись, 1922, № 1, с. 312, 319. — Янов, не зная Матюшенского, говорил о сотруднике газеты «Наши дни», поместившем в вечернем выпуске «Биржевых ведомостей» статью об интервью с директором Путиловского завода. В «Биржевых ведомостях» сообщение о путиловской забастовке не подписано, но в «Наших днях» (6 января 1905 г., № 18) помещена статья А. Матюшенского «Причина стачки».

над текстом П. М. Рутенберга, также считал, что «основной текст петиции» составлял Матюшенский. Участие Рутенберга Беренштам определял как отделку, редактирование текста.⁵⁸ У нас нет данных, чтобы определить, какой из известных вариантов петиции (или текст, сохранившийся у Л. Я. Гуревич) подвергался этой правке.

Независимо от достоверности сведений об участии в работе над текстом тех или иных лиц, нельзя отказать в убедительности мнению А. А. Шилова, который считал второй вариант, составленный «наподобие любого риторического духовного упражнения», «продуктом творчества самого Гапона, привыкшего к подобным выступлениям-проповедям».⁵⁹ С другой стороны, следует принять во внимание сообщение стоявшего в центре событий 9 января А. М. Горького, который писал в этот день Е. П. Пешковой о «программе требований Гапона, составленной под редакцией с[оциал]-д[емократов]». «Требования те же, что и у земцев, но, конечно, более демократические», — добавлял Горький.⁶⁰ Но главное, особенно применительно к третьему, окончательному, варианту петиции, состояло в том, что она явилась «в известной мере документом коллективного творчества».⁶¹ Ее обсуждение на многолюдных рабочих собраниях с внесением дополнений различного характера многократно описано авторами воспоминаний и исследований.

«Чрезвычайно интересное преломление в умах массы или ее малосознательных вождей программы социал-демократов», — так охарактеризовал 8 января содержание петиции В. И. Ленин.⁶² Установление истории ее текста способствует изучению такого «гигантского взрыва классовой борьбы», каким считал В. И. Ленин «Кровавое воскресенье».⁶³

⁵⁸ Беренштам В. 9 января (По воспоминаниям политического защитника). — Суд идет, 1924, № 1, стб. 23—24. — Беренштам был связан с рабочими организациями этого времени и, кроме того, защищал жену П. М. Рутенберга, издательницу социал-демократической литературы О. Н. Хоменко, обвинявшуюся в оскорблении офицеров — участников расстрела 9 января. Причастность Рутенберга к работе над текстом петиции подтвердил на основании семейной традиции его сын Е. П. Рутенберг в беседе с автором настоящей статьи 12 мая 1979 г. Сам Рутенберг сообщал лишь о своем авторстве применительно к прокламациям от имени Гапона, написанным после расстрела рабочих (Рутенберг П. М. Дело Гапона. — Былое, 1917, № 2 (24), с. 13, 15).

⁵⁹ Шолов А. А. К документальной истории... с. 32. — П. П. Павлов-Сильванский сравнивал петицию 9 января с мирским челобитьем XVII в. Поэтому, считал он, стрельба нанесла смертельный удар по патриархальным воззрениям на самодержавие в народном сознании (Лекция Н. П. Павлова-Сильванского «История и современность». — В кн.: История и историки. 1972. М., 1973, с. 354).

⁶⁰ Горький М. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 28. М., 1954, с. 348—349.

⁶¹ Бондаревская Т. П. Петербургский комитет РСДРП... с. 59.

⁶² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 176.

⁶³ Там же, с. 224.